

Осенью 1987 года (2 октября) в комнату научных сотрудников Ростовского музея зашел пожилой, интеллигентный мужчина, он принес нам посмотреть несколько старинных предметов – монеты, медали, кусочки старинных тканей. Мы разговорились и выяснилось, что живет он в Рыбинске, на пенсии, работал прежде инженером на авиационном заводе. Посетитель не был особо разговорчивым человеком, поэтому беседы не получалось, с моей стороны были вопросы, а с его – ответы. Но вот он произнес, что его фамилия Титов, и я, решив, что это родственник Андрея Александровича Титова (а тогда еще ничего не было известно о его потомках), выразила довольно эмоционально свою радость. Но Николай Александрович сразу же меня остановил: «Нет, мы с Андреем Александровичем однофамильцы». Потом, помолчав, он сказал, что прошел по музею, и у него есть замечание к нам, научным сотрудникам. В вестибюле, где на стене расположен фото-стенд по истории Ростовского музея, есть фотография Ивана Александровича Шлякова. «Нельзя ли ее заменить, потому что на фотографии он какой-то мрачный. Он таким не был». И тогда выяснилось, что наш гость – внучатый племянник Ивана Александровича Шлякова. Тогда, в 1980-е годы, мало что было известно о первом хранителе Ростовского музея, поэтому я высыпала большое количество вопросов, и Николай Иванович начинает рассказывать о своем дяде. В заключение нашей первой встречи, мы договорились, что на другой день, 3 октября, он покажет нам дом Ивана Александровича и место его могилы. Разговор с Николаем Ивановичем шел в присутствии научных сотрудников художественного отдела и один из них, Анатолий Ефимович Зайцев, решил пойти с нами к дому Шлякова и на могилу его. Кроме того, что А.Е. Зайцев был сотрудником художественного отдела, он являлся председателем Ростовского отделения Всероссийского Общества охраны памятников, поэтому он выразил желание посмотреть дом, с целью разместить на доме в последствии мемориальную доску, а узнав место захоронения И.А. Шлякова, – поставить памятник (крест). На другой день мы втроем прошли на Пролетарскую улицу. Тогда еще рядом с домом И.А. Шлякова стоял деревянный дом его брата Петра Александровича Шлякова. Дом Петра Александровича был расположен не по красной линии улицы, а в глубине. Он не был «домиком», как его назвал в воспоминаниях Николай Иванович. Это был просторный деревянный дом, в комнатах – высокие потолки, изразцовые печи.

По дороге к дому, к бывшему кладбищу, расположенному когда-то около Спас-Графской церкви, Николай Иванович рассказывал об Иване Александровиче, его родственниках. Так произошло мое знакомство с внучатым племянником Ивана Александровича Шлякова. Было еще несколько встреч в очередные его приезды в Ростов. Здесь жила его родная сестра Нина Ивановна Титова, с которой Николай Иванович меня познакомил. Позднее мы с Ниной Ивановной встречались у сестер Ивановых Веры Сергеевны и Натальи Сергеевны. Наталья Сергеевна Иванова и Нина Ивановна Титова были с одного 1903 года.

Николай Иванович не был увлекательным рассказчиком, но все, что он вспоминал, было полно ценнейших деталей, и при каждой нашей встрече, я просила его написать воспоминания. Через несколько лет после нашего знакомства Николай Иванович Титов написал свои воспоминания об Иване Александровиче Шлякове. Но надо сказать, что устные рассказы его были более подробные. Жаль, что он в своих воспоминаниях упустил многое. В моих записях о встрече с Николаем Ивановичем есть несколько деталей, не вошедших в его письменные воспоминания. Так, интересен рассказ, как Иван Александрович Шляков показывал Музей Церковных Древностей государю императору Николаю II и его августейшим детям во время посещения Ростова в 1913 году. Музей был расположен в Белой, Отдаточной палатах и в Княжих теремах. В Княжьи терема нужно проходить по узкому переходу, в трех местах ступеньки. Согласно регламенту, к государю императору нельзя было поворачиваться спиной, и Иван Александрович обязан был идти по узкому переходу, заканчивающемуся крутыми ступеньками, по которым ему надо было подниматься спиной. Ему в то время было 70 лет! По воспоминаниям Николая Ивановича, Иван Александрович перед приездом царской семьи сосчитал и выучил, где и сколько шагов на каждом участке. И ни разу не ошибся, двигаясь спиной вперед.

Из рассказа меня поразили последние дни Ивана Александровича. В рассказе Николая Ивановича присутствовал горький упрек, что его любимое детище – музей в лице новых сотрудников, его совсем забыл, и лишь родственники пытались чем-то помочь больному. В разговоре Николай Иванович несколько раз подчеркнул, что на похоронах из музея никого не

было. Иван Александрович Шляков был очень любим своими родными, и они во всем помогали ему и, как говорил Николай Иванович, жили ради него.

В 1990-е годы Николай Иванович и Нина Ивановна умерли. В Ростове живет внучатая племянница Ивана Александровича Шлякова, дочь Нины Ивановны Титовой – Ирина Тимофеевна Емельянова.

Воспоминания Николая Ивановича написаны от руки на разрозненных тетрадных листках в линейку, всего 10 листов (20 страниц)¹.

Воспоминания о И.А. Шлякове

(Л.1) Я хочу поделиться своими воспоминаниями и воспоминаниями, слышанными от моих родителей, брата, старших сестер о Иване Александровиче Шлякове, реставраторе Ростовского кремля. Наша семья была близка с Иваном Александровичем. Моя бабушка, мать моего отца, Елизавета Александровна Титова, являлась родной сестрой Ивана Александровича Шлякова. Она была выдана замуж в с. Вощажникове Ростовского уезда за Титова Александра Павловича и имела много детей. И одного из ее сыновей И.А. взял к себе на воспитание, после смерти моего дедушки. Это был мой отец Титов Иван Александрович, рождения 1873 г. С двенадцати лет отец жил и воспитывался в доме И.А. (Л.1 об.) Он научился писать, читать, считать – стал грамотным человеком и приобрел специальность при лавке И.А. закройщика по коже. В то время в с. Вощажникове, где родился отец, школы не было. Иван Александрович происходил из крестьянской семьи. Его родители были крестьяне и жили на Спас-Графской слободе (у. Красная). Дом родителей И.А. в нашу бытность уже не сохранился, но надгробные плиты на могилах родителей И.А. можно было видеть, такие покосившиеся, обросшие мохом. О детстве и юности И.А. я слышал мало. И.А. с мальчиков жил в Москве и работал в какой-то торговой фирме. Стал бухгалтером. После он вернулся в Ростов, купил дом по Ярославской ул. (У. Пролетарская), отремонтировал его, надстроил второй этаж. В этом виде (Л. 2) дом находится и по сей день, только не сохранился парадный подъезд. Видимо, в то же время И.А. открыл лавку кожевенно-шорными изделиями. Лавка была расположена против церкви «Спас на торгу». Там было, как-то мрачно и все заполнено запахом дегтя и кож. Помещение лавки было все обвешано конскими сбруями, хомутами, седелками и, видимо, поэтому в лавке было как-то сумрачно. Сам И.А. в лавке бывал редко, торговлей заведовал его младший брат, Николай Александрович, другой брат Петр Александрович заведовал кассой. Ну, а мой отец в комнатке при лавке кроил кожу по разному ассортименту – голенищи, крюки, головки, подошвы, подметки, набойки, стельки и т.д. Оставались обрезки, что назывался лоскут, который шел на заплатки и про- (Л.2 об.) давался на фунты, по низкой цене. Каждая кожа должна быть раскроена очень рационально, с минимальными отходами. В этом – мастерство закройщика, и мой отец этим мастерством обладал. Кожевенное сырье для своей лавки И.А. получал от моего дедушки Александра Павловича Титова (мужа сестры И.И.), у которого в с. Вощажникове был кустарный заводик по выделке кожи. За высокое качество кожи А.П. на Нижегородской ярмарке получал золотые медали, а позже золотые медали получал его сын Павел Александрович. Дом И.А. был благоустроен. В доме царил чистота, тишина, спокойствие. Шуметь, петь, кричать, бегать было нельзя. Всегда следовало замечание: «Тише, вы мешаете заниматься И.А.» (Л. 3) На втором этаже дома была большая комната, она называлась губернаторской. Вдоль лестницы на второй этаж, по стене висели картины известных художников. Среди которых была картина В.В. Верещагина, подаренная И.А. В «губернаторской комнате» тоже висели картины. Все блестело. Блестел паркет, блестел роуль. На красивой подставке стоял красивый граммофон. Был набор пластинок, среди

Иван Александрович Шляков

которых были записи в исполнении Шляпина и записи других исполнителей церковных пений. В «губернаторской комнате» производились приемы известных людей, местной интеллигенции, духовенства, включая архиерея. В доме было электрическое освещение, но Шляков не пользовался им – предпочитали свечи. (Л. 3 об.) В престольные праздники Шляковых посещало духовенство. Сначала духовенство из приходской церкви Кузьмы-Демьяна. Встречали их в столовой, внизу. И.А. к ним не выходил. Он принимал сам только духовенство из собора и Воздвиженья, которое приходило вместе с хором. А духовенство из приходской церкви принимал кто-нибудь из братьев. Делали какое-то угощение. В углу столовой стоял столик, на котором был графин с водкой и приготовленная селедка. Это для любителя. Потом на подносе, в конвертах разносили денежное вознаграждение. Мои родители всегда были на праздниках у Шляковых, а иногда и мы – ребята, о чем упомяну ниже. Еще несколько слов о доме. На втором этаже пол был паркетный, блестящий, (Л. 4) я уже упоминал об этом. Это создавало какую-то парадность. А полы нижнего этажа были покрыты линолеумом, это приносило какую-то уютность, теплоту. В одной из комнат нижнего этажа, у окна росло лимонное дерево с плодами. Это было достопримечательностью дома Шляковых. Внизу была большая кухня. Там тоже была чистота и все блестело. Блестела медная посуда. Вкусно пахло свежее-испеченным хлебом, которым нас иногда угощала кухарка Наташа. Двор дома и тротуар перед домом был выложен камнем. Перед домом были поставлены каменные тумбы. Тумбы стояли в то время по всей Ярославской ул. около домов. Двор был чистый, без одной сориночки. Налево во дворе стоял флигель, в котором жил Петр Александрович (Л. 4 об) Шляков. Домик был обнесен низким заборчиком, за которым располагался цветник. Домик этот стоит и сейчас. Дальше была мастерская – цех. Шорная мастерская. Заведовал ею Фирс Петрович Шляков – двоюродный брат И.А., Ф.П. был строгий, резкий, краснолицый человек, подстрижен под бобр. У него был сын Петр Фирсович, известный фотограф в Ростове и дочь Александра Фирсовна – учительница. Дальнейшую судьбу их я не знаю. И.А. имел выездную лошадь. Конюх – кучер, он же дворник, следил за чистотой двора. Направо двора стояли службы или, вернее, сарайки, а налево, как войдешь на двор, был «цех» и конюшня. Но все находилось в большой хозяйственной исправности. (Л. 5) Дальше за палисадником шел парк, почти до самого озера. Парк состоял, в основном, из старых лип. Центральная аллея, обсаженная старыми липами и вымощенная битым кирпичом, упиралась в забор с запертыми воротами. За забором шла тропиночка, и дальше топкий берег озера. Направо от ворот к забору стояла беседка, так ее называли. Это было деревянное помещение, обитое тесом, без каких-либо украшений. Чтобы попасть в беседку, надо было подняться ступенек на пять. В беседке было темно и только тогда, когда раздвигали щиты, открывался красивый вид на озеро. В беседке стоял стол и скамейки. Фруктовых деревьев в парке не было, и все заросло высокой травой. При входе в парк налево был небольшой пруд с удивительно (Л. 5 об.) прозрачной водой и там плавала черепаха, величиной с шапку. Видимо на летний сезон ее выпускал Николай Александрович Шляков. Дальше, за прудом стояли две баньки. Одна банька для всех, а в другой мылся только И.А. Взрослых Шляковых мы знали шесть человек. «Мы» – это дети. Нас было у родителей шесть человек: трое старших – брат и сестра. Итак, возвращаясь к семье Шляковых: Иван Александрович, Петр Александрович, Николай Александрович, Елизавета Александровна (моя бабушка), Клавдия Александровна, Апполинурия Александровна. Иван Александрович был неженат, и в доме вместе с ними жил тоже неженатый брат (Л. 6) Николай Александрович и незамужняя сестра Клавдия Александровна. В доме была прислуга – кухарка и горничная. Но основное хозяйство в доме вела Клавдия Александровна. Николай Александрович был жизнерадостным, веселым человеком, чего нельзя было сказать о Петре Александровиче. Это был угрюмый, замкнутый, малоразговорчивый человек. Говорили, что он стал таким после смерти жены, которая умерла после родов, оставив ему дочь Веру. Горячее участие в воспитании Веры принимала сестра Клавдия Александровна. Возможно, поэтому К.А. и не вышла замуж. Вера Петровна была мне крестной матерью. Это была добрая, симпатичная женщина, хорошо играла на рояле. (Л. 6 об.) После окончания гимназии она вышла замуж за Родионова Николая Николаевича. Они имели маленький магазинчик галантерейных товаров. После 1917 г., когда заболел Иван Александрович, Вера Петровна ему очень помогала. Вторая сестра Ивана Александровича – моя бабушка, Елизавета Александровна дожила до глубокой старости. Третья сестра Ивана Александровича – Апполинурия Александровна жила отдельно, тоже по Ярославской ул., на одном квартале. Она была портниха. Существовала частными заказами. И.А. жил во втором этаже, где находился его кабинет. Окна кабинета выходили на озеро, но вид озера закрывали деревья парка. (Л. 7) Стены кабинета были заставлены стеллажами с книгами, стеллажи стояли до самого потолка. В углу комнаты

находилась лесенка-«стремянка», чтобы достать нужную книгу. Большую часть дня И.А. находился в своем кабинете и что-то писал. И.А. был высокого роста, худощавый, с прямой осанкой и серьезным строгим выражением лица. Но в обращении с людьми был вежлив, корректен. В домашней среде к близким обращался: «Братец, сестрица...». Его речь была с хорошим московским акцентом. И.А. был знаком и имел переписку со многими деятелями культуры и искусства России. Когда В.В. Верещагин приезжал писать картину с церкви Иоанна Богослова на Ишне, то (Л. 7 об.) останавливался у И.А.А когда В.В. Верещагин находился на Ишне, связным был мой отец. От отца я слышал, что И.А. имел переписку с В.В. Верещагиным. И.А. переписывался с художником Васнецовым и получал от него эскизы на реставрацию Кремля. Также переписывался И.А. с художником Рерихом. К И.А. приезжал режиссер Станиславский. Они вместе ездили по крупным богатым селам и искали старинные костюмы, нужные Станиславскому для постановок в театре. Поиски костюмов проходили успешно. И.А. был в Ясной Поляне у Л.Н. Толстого. Л.Н. подарил И.А. сделанную и расписанную им самим детскую ширмочку. Ширмочка эта до самых дней Окт. Рев. хранилась у И.А. В 1913 г. в трехсотлетие дома Романовых Николай II посетил Ростов. И.А. сопровождал его по Кремлю и Белой Палате. Нас – ребят, по приглашению Шляковых в сопровождении кого-либо из старших, И.А. встречал ласково, с улыбкой: «Внучата пришли...» Давал Клавдии Александровне указание, чем нас занять, чем угостить, что подарить. С кем-либо из взрослых мы шли в парк, наблюдали за живой черепахой в пруду. Потом направлялись в беседку, раскрывали ставни и в подзорную трубу наблюдали противоположный берег озера. Это было восхитительно! Дальше Клавдия Александровна устраивала маленькое угощение. Садилась за стол. На шею повязывали накрахмаленные салфеточки. На столе было варенье, (Л. 8 об.) печенье, сухарики, масло, сыр...И, обязательно, яичко в фарфоровой подставочке, в виде рюмочки. При расставании нам дарили книги или по красивой коробочке конфет, которая была перевязана цветной мочалочкой – розовой, голубой, зеленой...

Революция разрушила сложившийся уклад жизни Шляковых. Закрылась торговля. Разбежались служащие и прислуга дома. Имущество, ценности – все было конфисковано. Второй этаж был опечатан. Большой парализованный, в холодном доме, на первом этаже умирал И.А. Продуктов трудно было достать. Помогали чем могли мои родители и Вера Петровна Родионова. Но у Родионовых тоже магазин был закрыт и дом конфискован. Умер Николай Александрович, умерла Апполинария Александровна. Заболел и слег Петр Александрович. Не было в доме постельного белья, и мои родители подавали куда-то заявление с просьбой выдать белье. Не было продуктов, не было соответствующего ухода. Иван Александрович скончался. Это было в начале зимы. День похорон был пасмурным, снегу было чуть-чуть, мороженые комья земли выступали. Дул холодный ветер. Я при похоронах нес иконку. У меня зябли руки, хотя на руках были рукавички. Открытый гроб с телом И.А. везли на катафалке. Катафалка была черная, гроб был покрыт черной попоной, с рединами и большими кистями по краям. Впереди катафалка сторож кладбища нес крышку гроба. (Л. 9 об.) А я впереди шел с иконкой. Всех Шляковых похоронили на Спас-Графском кладбище, рядом с могилами родителей. В похоронной процессии народу было очень мало. Были мои родители, Родионовы, Шляковы, Фирс Петрович, Петр Фирсович, Александра Фирсовна. Еще несколько человек бывших служащих Ивана Александровича. Поминки были очень скудными. Я слышал от родителей, что они принесли на поминки воблы и к чаю вяленой сахарной свеклы – это что-то в виде цукатов. Когда после похорон мои родители пришли в дом к Шляковым, к ним сразу обратилась Клавдия Александровна, что Петр Александрович не принимает лекарств. Мать пришла к Петру Александровичу, (Л. 10) но он был уже мертв. Еще похороны. В конфискованном опечатанном доме осталась одна Клавдия Александровна. Вскоре она заболела и была определена в «богадельню» – дом престарелых. Там она прожила недолго. Николаю Александровичу, Ивану Александровичу, Ивану Александровичу и Петру Александровичу были поставлены мраморные хорошие памятники. А у Клавдии Александровны могилка представляла просто земляной холмик. Летом в праздники, возможно, в Троицу родители нас заставляли набрать диких цветов и снести на могилы Шляковых. Церковь Спаса разрушили году в 1932, видимо в то же время стали разрушать и кладбище. Памятники (Л. 10 об.) Шляковых и другие памятники были расколоты, и осколками был вымощен бульвар. Даже среди осколков можно было по буквам определить, что это памятник Шляковым. Вот и все, что я знаю о Шляковых. Воспоминания написал Титов Николай Иванович рожд 1911 г. для ростовского музея-заповедника. Сентябрь 1989 г.

Воспоминания о Шлякове Иване Александровиче с моим братом Титовым Н.И. я полностью согласна. Титова Нина Ивановна 1903 г. рождения.

1. ГМЗРК. А-1306. Титов Н.И. Воспоминание об И.А. Шлякове.